

УДК 316.74:94 (438)

О. А. Матусевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель (БГТУ)

ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Статья посвящена анализу мероприятий в рамках публичной практики, направленных на формирование социальной памяти поляков в условиях посткоммунистической трансформации общества. Автор рассматривает особенности и механизмы реализации исторической политики, а также способы изменения массовых, обыденных представлений о прошлом в период III Речи Посполитой. В статье в большей степени уделено внимание формальной стороне исторической политики, нежели содержательной или институциональной.

The article is devoted to the analysis of public practice actions which are directed on formation of Polish social memory in the conditions of post-communist transformation of a society. The author examines features and mechanisms of realisation of a historical policy and also methods of change of mass, ordinary notions of the past in the Third Republic of Poland. In the article the basic attention is given to the formal side of the Polish historical policy.

Введение. Тема исторической политики, столь популярная в Польше еще несколько лет назад, казалось бы, исчезла с разворотов ведущих периодических изданий и перестала быть «топовой» в рамках публичного, в особенности политического, дискурса. Однако она неразрывно связана с проводимой в Польше внутренней и внешней государственной политикой. К слову сказать, как и в других государствах, ибо как было правильно замечено, если страна не проводит своей исторической политики, за нее это сделают соседи, но получившийся в итоге образ прошлого вряд ли сможет стать фундаментом национального самосознания населения данной страны (что мы можем наблюдать на белорусском примере).

Определение предмета данного исследования может стать самостоятельной темой публикации, поскольку понятия «историческая политика» или «политика памяти» являются дискуссионными. Историки разных стран, и Польша не исключение, с опаской относятся и к этим понятиям, и к самой возможности проведения данной политики, усматривая в этом посягательство на их профессиональный суверенитет и попытку использовать их самих и результаты их научной деятельности в политических целях. По сути, ставится знак равенства между исторической политикой и манипуляцией или фальсификацией информации о прошлом, что вызывает негативную реакцию исторического сообщества [1, с. 45, 52, 64, 78, 92; 2, с. 244–245]. Такой подход трактует историческую политику фактически как пропаганду, а именно «сознательную деятельность политического класса с целью формирования сферы и характера коллективной исторической памяти» [3, с. 10]. В публичном дискурсе политика памяти рассматривается инструментально, как своего рода институционализированная селекция прошлого, проводимая

в поддержку внутренней и внешней политики. Такую позицию представляет, например, один из идеологов польской исторической политики, историк идеи и публицист Д. Гавин, который считает, что историческая политика – это не что иное, как «использование демократическими (и не только) обществами собственных интерпретаций событий прошлого для достижения, кроме всего прочего, актуальных политических целей» [цит. по 4, с. 43].

Резюмируя научную полемику относительно определения понятия «историческая политика», можно сказать, что историческая политика представляет собой целенаправленную, чаще всего институциональную деятельность публичных акторов, направленную на формирование массовых обыденных представлений о прошлом. Основными задачами этой деятельности является легитимизация власти (или властных притязаний), а также социальной действительности, мобилизация граждан, воздействие на сплоченность и идентичность группы, социализация индивидов и адаптация социальных общностей к реальным изменениям.

Еще более сложная задача – определить соотношение между терминами «историческая политика» и «политика памяти», активно используемыми в научном дискурсе. Поскольку в данной статье не ставится цель дефиниционного анализа области заявленного исследования, то автор считает допустимым без специального анализа и дополнительной аргументации принять точку зрения известного немецкого специалиста в вопросах коллективной памяти А. Асманн, согласно которой методологически нет разницы между политикой памяти и исторической политикой [5, с. 38].

Таким образом, целью статьи является проанализировать историческую политику, проводимую в Польше в конце XX – начале XXI в.

Основная часть. Для того чтобы исследовать историческую политику, необходимо обратиться к механизмам ее реализации. Таковыми являются «символическое насилие» и «изобретение традиций». Первое понятие разрабатывал П. Бурдьё, под которым он понимал навязывание властью своей системы значений, иерархии ценностей, которые приобретают для индивида «естественный» характер. Легитимизация социальной действительности осуществляется на основе «незнания», то есть искаженного, неполного, мифологизированного знания. Символическое насилие основано на бессознательном принятии обывателями господствующих социальных установок [6]. Исходя из вышесказанного, можно говорить о том, что историческая политика – это реализация символического насилия на основе трансформации восприятия прошлого индивидами, в результате чего они воспринимают действительность как должное, таким образом легитимизируя существующую социальную действительность.

«Изобретение традиций» – это процесс формализации и ритуализации, с которым связано обращение к прошлому и в рамках которого происходит поиск ритуалов, церемоний и других способов, связывающих группу с прошлым. К таким способам связи с прошлым относятся установление новых праздников и памятников, преподавание по новым школьным учебникам, поиск новых героев и символов. Благодаря этому события прошлого включаются в обстановку настоящего, у индивидов возникает эмоциональная связь с прошлым, а не критический взгляд на него, формируется чувство причастности к чему-то славному, чувство общности коллективного опыта [7]. На этой основе базируется социальная солидарность и коммуникация, групповая идентичность, национальная гордость и патриотизм.

Анализ использования данных механизмов дает основания выделить два периода в реализации исторической политики в современной Польше, которые отличаются целями, содержательным аспектом и используемым инструментарием. Первый период охватывает 15 лет пост-коммунистической трансформации польского государства, это период III Речи Посполитой. Второй период начинается во время пред-выборной компании 2005 г. Он связан с провозглашенным лозунгом перехода к так называемой IV Речи Посполитой и в большей степени ассоциируется с политической деятельностью братьев Качиньских и политической программой партии «Право и справедливость» (PiS). Этот период связан с трансформацией польского государства в рамках Европейского Союза.

Польский социолог Л. Нияковский выделил черты политики памяти III Речи Посполитой. Во-первых, политика памяти осуществляется в рамках бюрократического аппарата (с учетом специфики его деятельности и внутренней борьбы между различными его уровнями и учреждениями). Государственная историческая политика – это ведомственная политика, что накладывает свой отпечаток на содержание и форму реализуемых мероприятий, а также на их результативность. Во-вторых, в рамках исторической политики переплетаются политическая и научная сферы. Плюрализм научных интерпретаций является благодатной почвой для политических спекуляций. При этом Л. Нияковский отмечает, что союз политиков и ученых является взаимовыгодным. Одни получают компетентное обоснование их политических призывов и программ, другие – поддержку для реализации научных исследований. В-третьих, для Польши характерно отсутствие общегосударственной политики памяти по причине региональной специфики и противостояния на разных уровнях власти, что, по мнению лидеров и сторонников PiS, а позже и многих их политических оппонентов, привело к кризису чувства национальной гордости и патриотизма у поляков. В-четвертых, стремление центральной администрации придерживаться единого направления исторической политики расценивалось на местах как дискриминация национальных меньшинств. И, наконец, пятой особенностью является то, что систематическая смена партии власти приводила к непродолжительности проводимой политики памяти, ограниченности общественного влияния реализуемых мероприятий, незавершенности начинаний и непостоянству общественной коммеморативной практики [4, с. 52–53].

Свое символическое пространство III Речь Посполитая строила на отрицании прошлой действительности и поиске виноватых, желательно за пределами страны (и здесь, несомненно, пригодились опыт межвоенного периода). Связано это было с боязнью спровоцировать внутрисударственные конфликты, поскольку главной задачей на тот момент была интеграция и мобилизация общественности. Период Польской народной республики (ПНР) рассматривался исключительно негативно, происходила практически демонизация строя и его руководителей. Польские политические элиты стремились продемонстрировать отсутствие связи между III Речью Посполитой и ПНР, а также подчеркнуть преемственность с польским государством межвоенного периода. Об этом свидетельствует само название государства, преамбула новой конституции и факт

передачи инсигний последним президентом в изгнании Р. Качоровским первому президенту III Речи Посполитой Л. Валенса.

Актуальная политическая ситуация нуждалась в оценках прошлого, поэтому за неимением научных обратились к публицистическим. Отсутствие научно обоснованных выводов восполнялось журналистскими интерпретациями событий прошлого. Это объясняется также тем, что для появления научной продукции требуется время.

В 1990-е гг. польское общество столкнулось с необходимостью проведения политики памяти, началась «символическая декоммунизация» социального пространства, что особенно сказалось на преобразовании городского ландшафта. Изменения затронули мемориальную и коммеморативную общественную практику: учреждались новые праздники, переименовывались улицы, свержались памятники и возводились новые, менялись названия учреждений и социальных объектов. Все эти процессы сопровождалось политическими спорами и борьбой за формирование нового пантеона героев, чьи имена должны быть увековечены в новом социальном пространстве. Своеобразным способом примирения с прошлым стала реинтерпретация коммунистических символов и включение их в новую общественную мемориальную практику. В 1989 г. на могилу неизвестного солдата торжественно возложили землю, набранную в Катыни [4, с. 125].

Наиболее быстрые изменения произошли в историческом образовании. Были разработаны новые программы, написаны учебники. В исторической литературе появились новые темы, например, советской оккупации, репрессий. Произошла коммерциализация рынка учебников, которые могли представлять альтернативные интерпретации событий прошлого. Для их рекламы и внесения в списки министерства в качестве рекомендуемых учебников привлекались политики и костел. Имела место люстрация науки и искусства. Произведения и авторы, признанные коммунистическими, должны были исчезнуть из публичного пространства (их исключали из школьных программ, театральных репертуаров). Переход на рыночные отношения позволял в отношении неугодных профессоров и деятелей культуры применять не только административные рычаги воздействия, но и финансовые, лишая их дотаций. Аналогичная ситуация складывалась в издательствах [4, с. 126].

На уровне местных властей и локальных инициатив граждан возросла активность по созданию новых «мест памяти». Для этого явления характерны определенные веяния моды на исторические события, личности или даты (Армия Краевая, Иоанн Павел II, Ежи Папе-

лушка). И если в ПНР определяющую роль в коммеморативной практике играла партийная идеология, то на данный момент она завуалирована под дотации и возможности финансирования местных инициатив.

Заключение. В результате проводимой исторической политики социальная память поляков в конце XX в. претерпела значительные изменения. При этом содержательный аспект культурной памяти в меньшей степени трансформировался под действием актуальной политической ситуации, в отличие от коммуникативной памяти, которая отличается противоречивостью. Иногда ее изменения носили характер простого переставления знаков при оценке определенных событий или личностей. И если культурная память сохранила за собой идентификационную функцию, то коммуникативная память стала выполнять исключительно функцию легитимизации настоящего.

Литература

1. Polityka historyczna: historycy, politycy, prasa: materiały konferencji, Warszawa, 15 grudnia 2004 / pod red. A. Paneckiej. – Warszawa: Muzeum Powstania Warszawskiego, 2005. – 272 s.

2. Janowski, M. Polityka historyczna: między edukacją historyczną a propogandą / M. Janowski // Pamięć i polityka historyczna: doświadczenia Polski i jej sąsiadów / pod red. S. M. Nowinowskiego, J. Pomorskiego, R. Stobieckiego. – Łódź: Wydawnictwo Naukowe Ibidem; Instytut Pamięci Narodowej – Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, 2008. – 398 s.

3. Wolff-Powęska, A. Polskie spory o historii i pamięć. Polityka historyczna / A. Wolff-Powęska // Przegląd Zachodni. – 2007. – № 1. – S. 3–44.

4. Nijakowski, L. M. Polska polityka pamięci: esej socjologiczny / L. M. Nijakowski. – Warszawa: Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, 2008. – 286 s.

5. Hahn, H. H. Pamięć zbiorowa – przedmiot polityki historycznej? / H. H. Hahn // Narodowe i europejskie aspekty polityki historycznej / pod red. B. Korzeniewskiego. – Poznań: Instytut Zachodni, 2008. – S. 29–42.

6. Руткевич А. М. Пьер Бурдьё / А. М. Руткевич // Современная западная социология. Словарь / под ред. Ю. Н. Давыдова. – М.: Издательство политической литературы, 1990. – S. 45–46.

7. Колягина, Н. [Рецензия] / Н. Колягина // Уроки истории [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.urokiistorii.ru/print/1208>. – Дата доступа: 18.03.2013. – Рец. на кн.: The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge: University Press, 2003. – 322 s.

Поступила 20.03.2013